

18+

Олег Ока

**Этика
уничтожения**

роман

Omnis vitæ hominis
est brevis laqueus est
ne de miseris & de novitate

Олег Ока

Этика уничтожения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50435647

ISBN 9785449809247

Аннотация

Мир меняется. Люди этого объяснить не могут, изменить тоже. Некоторые пытаются жить прошлым, некоторые выбирают борьбу, и многие гибнут. Но герои пытаются понять изменения и приспособиться к ним, сотрудничать.

Содержание

Олег Ока	5
Этика уничтожения	5
Предисловие	5
Часть ПЕРВАЯ. Последние люди	10
1. О тяге к знаниям	10
2. Причина	17
3. О сигаретах и женском начале	23
4. Об ответственности	31
5. Мутная вода	38
6. Первая смерть	44
7. Смерть, как собака	51
8. Намёк на вектор	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Этика уничтожения

Олег Ока

© Олег Ока, 2020

ISBN 978-5-4498-0924-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Олег Ока

Этика уничтожения

Похождения двух друзей, познакомившихся в «зоне», интеллектуалов, бомжей и лентяев, с налётом мистики и отчаяния.

(трактат о восприятии)

Предисловие

О, чудесные патриархальные времена, деревенские буколистические пейзажи, не замутнённые промышленным смогом, города, окружённые карантинными стенами, запах навоза и мочи на узеньких, нелинейных улочках, мощённых кое-как обтёсанными булыжниками, или деревянными торцами.

А люди! Жеманные, взращённые в парниках сословных правил и условностей, не отягощённые знанием юриспруденции, сопромата, как и нижним бельём с запахом лаванды и хлорки. Они прогуливались по мостовым, сторонясь проходить под распахнутыми окнами, откуда в любой момент мог опорожниться ночной горшок, чинно раскланивались со знакомыми, которых знали с самого рождения, и с ко-

торами будут раскланиваться до самой смерти. Чиновники канцелярий, лавочники и ремесленники, служащие мэрий, прислуга и обслуга, держатели трактиров и цирюлен, содержанки и содержатели, аптекари и рантье, богатые бездельники-наследники почивших обывателей, оборванцы-студизусы, пьяницы и богохульники. И ещё вооруженные люди, служащие каждому, кто платит, и городские надсмотрщики, альгвасилы, городовые, бандиты и попрошайки. И слуги Божьи, от чьей приторности, вероятно, тошнило и самого Господа Бога. И ещё сословие торговцев, вхожих во все круги общества, сообразно амбиций и капитала.

И всё это сожитительство было отработано веками и тысячелетиями, ведь времена менялись, но люди нет. Каждый взгляд, жест, мимическое выражение значили многое, сообразно случаю, да, всё, что угодно. Наблюдатель без слов мог определить отношение человека к происходящему, к собеседнику, к проходящему мимо, и не только отношения, но и намерения. Какие безмолвные страсти вскипали, в зависимости от жеста, взгляда, ухмылки или презрительной гримасы.

Размеренная городская жизнь требовала разрядки, выплеска эмоций, ведь не было в этой жизни ни мотогонок, ни ипподромов, ни избирательных тяжб, ни судебных и бракоразводных процессов. Они, конечно, были, но наслаждались ими только люди определённого, ограниченного круга, массы не ведали таких развлечений, и только изредка по-

лучали укол адреналина на показательных казнях каких-то неизвестных, о которых сообщалось только, что это бандиты и еретики.

У дворян было больше возможностей разнообразить жизнь, поскольку их жизнь была полна условностей и регламента, которые требовали особой сообразительности и такта, знания обиходных тонкостей и правил, неведомо кем установленных. Особо это касалось вечно обязательной темы отношений женщины и мужчины. Тем более, что здесь большую роль играли мотивы чести и престижа. И какое обширное и благородное поле для проведения игр, под названием этикет! А внимание и даже обожание женщин! Ведь ни для кого не секрет, что плохие парни обладают особой привлекательностью для женского пола, и причины этого понятны; в те спокойные, размеренные времена у женщин не было выбора в жизненной коллизии, выбирать спокойную, уважаемую стезю домохозяйки, приставленной к супругу (не важно, к какому сословию принадлежащего), или стать «падшей женщиной» (богатые женщины, выбравшие этот путь, пользовались спросом и политесом, бедные презирались богатыми и законом). А вот «плохие парни» наполняли жизнь жгучим перцем интриг и скандалов, делали её острой и разноцветной, полной нечаянных радостей и трагических разочарований. Естественно, люди, обладающие какой-то независимостью, в силу финансового благополучия, или же происхождения, старались войти в клан «плохих парней». Сейчас

этого достигнуть просто, достаточно устроить загул на модных курортах Европы, а вот для тех, кому финансы не позволяют таких эскапад, приходится фиглярничать, корчить рожи, изображать клоунов, выставляя в интернете самые нелепые нелепости, дабы привлечь внимание и показать всему миру, какие они вот такие крутые. (Правда, эти нелепые нелепости выставляют их самих дураками, а порой и заставляют играть в игру «убей себя сам», но успех того стоит! И стоит не дорого.)

А в те благословенные времена всё было просто. Достаточно было где-то на променаде, или танцевальной ассамблее в муниципалитете поймать наглый взгляд такого-же петуха в сторону твоей избранницы, а тем паче, откровенные взгляды и обсуждение той-же персоны, и дело оставалось за малым. Брошенная перчатка, или той-же перчаткой по физиономии наглеца, а дальше вступал в силу кодекс ЧЕСТИ.

Не важны уже были результаты церемонии, но оба участника турнира тут-же становились самыми востребуемыми в салонах и пересудах кумушек, а также объектом беспокойства для власть предержащих. Конечно, дело оборачивалось малой кровью и уязвлением одного из, ибо убийство было неприёмлемо для властей, оно плохо сказывалось на реноме и последующей карьере, и дуэлянтов придерживали от пересердия. Но всё-равно, один всегда был победителем, а другой уязвлённым до глубины души и потери чести. Впрочем,

на многих это никак не оказывало влияния в смысле здравого смысла и коррекции поведения, как, например, дворянина А. С. Пушкина, таким хоть кол теши, всё по барабану. Гений, он и в сортире гений.

Часть ПЕРВАЯ. Последние люди

1. О тяге к знаниям

– Смотрел вчера в «Нарвском» телевизор, как раз на РЕН. Тв попал. Прикинь, опять набор идиотов, – громко говорил Роберт, рассматривая физиономию в старом потрескавшемся зеркале. Вопросы о бритве не стояло, рассматривал он свою личность по привычке на что-то смотреть, но в их новом жилье смотреть в общем было не на что, разве что на лохмотья обоев, свисающих с грязных стен и открывающих окаменевшие обломки газеты «Труд» за 1978 год. – Целая толпа идиотов, но какие имена, а какие звания! Синельников, историк, писатель, С. Салль, физик, Н. Непомнящий, писатель, путешественник, Серж Ке, палеолингвист, Зданович, профессор истории, Манягин, писатель И все с целой кучей восклицательных знаков! Оказывается, говорят, Геродота, Аристотеля и вообще никого из древних греческих мудрецов НЕ БЫЛО, их придумали иезуиты. А вот с севера, с территории России, из Заполярья, в древнюю Индию пришли АРИИ, написали веды и придумали всю человеческую мудрость. И, оказывается, индийские крестьяне понимают наших беломорских крестьян без переводчика... Долго с экранов ТВ будут «сливать» на наши мозги эту «черну-

ху»? А ведь цель ясна – теперь из россиян делают «сверхчеловеков». Помните? Методика та-же.

– И опять северные арии... А что тебе не нравится в северных арийцах? Каким боком они нас касаются? Было оно, или опять врут, нам-то плевать, – лениво отозвался с кровати Геннадий Кисельников по кличке Гена-гендер.

– Да в общем-то ты прав. Но задевает. Вот смотри – с того момента, как человек осознал себя в этом мире, он занимается интереснейшим делом – добывает знания об этом мире. Зачем ему это надо, понятно – хочется жить в уюте и безопасности. Ну и простое любопытство :

– А что это там такое? (можно ли это съесть? или надеть?)

И не мешают ему ни смены общественных формаций, ни развитие технологий и производственных отношений. Знания добываются постоянно. Истинные, или ложные. Глобальные, влияющие на судьбу мира (изобретение пороха, ядерный синтез, кибернетика.) Или так, для кухни. Я вот постоянно удивляюсь этой потребности человека, постоянно добывать информацию.

– Только отношение людей к новым знаниям складывается странное, – Гена отозвался нехотя, глядя в потолок, больше по обязанности поддержать разговор, по причине отсутствия в их хозяйстве каких-бы то ни было источников информации, да и просто новых впечатлений было в дефиците для поддержания интересного разговора. – Какое-то потребительское. Что-бы ни накопили, сразу в производство.

Хорошо оно, или плохо, не нам судить. Любое знание нейтрально. Вот способы его применения порой печальны. Нет у нас законов, регламентирующих обращение с новым знанием. И дело не в его применении, любое знание неминуемо найдёт путь в цивилизацию, в той или другой отрасли человеческой деятельности.

Только вот есть опасность, о которой мало кто думает. Все знают, что знания бывают преждевременные, не имеющие ни технологической, ни практической основы. Но есть знания и вообще не наши. Не имеющие права на существование в нашем мире, но имеющие адептов и проповедников. К ним можно отнести и знания о Боге (часто спекулятивные, основанные на крупицах истины, но используемые в жульнических, меркантильных целях, а потому воспринимаемых скептически.) Возможно, сюда можно отнести знания о Пространстве, тоже подаваемые спекулятивно, в виде странных, изначально неподтверждаемых теорий о Мире, но порождающих порой смешные, порой глупые, но неизменно дорогостоящие проекты, находящие неизменно толпы поклонников. А ведь выбирая предмет изучения, исследователь должен прежде всего решить вопрос о применении знания – что оно даст практически. Нужно ли оно вообще в огромной копилке землян, или в перспективе грозит вылиться во что-то невообразимо страшное. Генетические исследования, но они уже такие корни пустили в обществе, что говорить об этом – уже поезд ушёл... Впрочем, ты в своём ГИПХе, наверное,

на этих вопросах собаку съел?

– Да, в общем-то, у нас таких работ не было, впрочем, там было отделение за бетонным забором, что там делалось, ну, очень большая гостайна. Что там делалось, неизвестно, но большие машины постоянно что-то завозили и вывозили. Представляешь, территория обнесена забором с колючкой, проход через солдат с автоматами, а внутри территории опять бетонный забор, да ещё и с постоянным обходом патрулём в сопровождении собаки!

– Да и Бог с ними. Это давно было? До перестройки? Так давно уже эту шарашку наши новые ухари разбомбили, или на загранку работают, если что интересное.

– Значит, ты не занимался ничем подобным?

– Прикладная химия, это в основном, отравляющие вещества, боевая химия, понимаешь? Ещё разработка новых видов ракетного топлива, газ, давление, лазерные вспышки... Никакой физиологии. Такие работы, конечно, подразумеваются, но я видел у учёных только сводки с параметрами, видимо, их разрабатывали где-то в другом месте.

– Жрать охота, как думаешь? Конструктивные мысли есть? И сигарет мало осталось.

– Пойдём, подработку поищем? – вопросительно предложил Роберт, поесть, действительно, было-бы неплохо, но вот что-то предпринимать решительно не хотелось, в вопросах еды он был неприхотлив, и желудок наполнял постольку, поскольку это придавало некий уют в жизни, но и сонливости.

– Прописку-бы нам, половина проблемы исчезло-бы.

– А если купить?

– Или склад поискать? Конечно, можно попытаться на рынке заработать, но конкуренция, алкаши сбивают заработок, только на еду зарабатываешь...

– Может быть, расклеить объявления, работы по дому, участку, всё-таки, руки у нас на месте.

– Можно, от нечего делать... И здесь конкуренция...

– Хорошо, с жильём повезло.

– Это главное, крыша над головой. Ты оказался удачлив, мальчик-бой. Как говорил Остап Бендер, блестящая комбинация. По крайней мере до весны мы обеспечены. Батареи почистить-бы.

Им в самом деле повезло, что в условиях современного города было похоже на подарок с неба. Этот дом на улице Бумажной, довоенной постройки, серый и угрюмый, служил им пристанищем в непростые моменты, в тёплые ночи они приходили сюда, чтобы переночевать на чердаке, где у них было спрятано пару подобранных на мусорной площадке матрасов. И как-то, обходя участок, Роберт обратил внимание, как жильцы из второго подъезда выносят мебель в стоящий тут-же грузовик. Придав себе незаинтересованный вид, Роберт вынул предпоследнюю папиросу и, прикурив у скучающего водителя, кивнул в сторону парадного:

– На дачу едут?

Водитель с вполне понятным подозрением оглядел его,

плюнул, подумал, какое-то соображение придало выражению его лица облегчение:

– Квартиру получили, переезд. Дом-то уже лет двадцать на расселение предназначен, вот, наконец и до него дошло.

– Значит, в освободившуюся квартиру скоро кого-то вселят?

– Кого вселят? Говорю-же, дом на расселение, в такие никого не заселяют. Двери забьют, и все дела.

Квартира располагалась на пятом этаже, площадкой выше была дверь на чердак, и следующей ночью друзья неслышно взломали замок, перенесли в пустые комнаты свои матрасы, Геннадий занял брошенную хозяевами кровать, а Роберт в углу у батареи настлал на пол газет и устроил себе постель. На кухне имелась старая газовая плита с не работающей духовкой, и они, затаив дыхание, включили газ. Услышав шипение, радостно вздохнули.

– Теперь чайник найти, и будем чай гонять! – потёр руки Гена по кличке Гендер.

Сейчас чайник у них уже был, старый, но не дырявый, как и пачка дешёвого чёрного чая и пол-булки чёрного хлеба, и пришло время завтрака.

На улице стояла обычная осенняя погода, отопительный сезон ещё не начался, и батареи, облезлые и открывающие несколько слоёв старой краски, служили только как декоративный элемент. В квартире было сыро и холодно, поэтому плиту оставили включённой, шипение горящего газа созда-

вало иллюзию тепла, хотя помогало только воображению.

– Если зайдут из жилконторы и увидят сломанный замок, могут сообщить участковому. Будут проблемы.

– Зачем им приходиться в пустую квартиру?

– Робертино, зачем люди в рабочее время ходят туда-сюда? Они за это деньги получают. Здесь ещё счётчик не отключен, электричество в пустой квартире – причина возможного пожара, проводке здесь лет пятьдесят. А если ещё и нас здесь застанут, будут проблемы.

– Какие проблемы, – отмахнулся Роберт. – Квартира уже не на балансе, и никому не интересно, что здесь, и кто здесь. Кому нужны лишние заботы, за них не платят.

– Участковому интересно, ведь здесь потенциальный приют, уголовная среда и возможность приюта для наркоманов. Думаю, периодически он будет сюда заглядывать. Конечно, это вопрос, зависит от человека, но сержант мне кажется человеком настырным, и надо поменьше здесь торчать, во всяком случае, в рабочее время...

– А ведь в доме, наверняка, есть ещё пустующие квартиры, расселение идёт. Да и весь район, Михалыч, сплошные развалюхи.

– Всё разваливается, всё изменяется.

Их тандем образовался в ИТУ Металлостроя, где они проводили время по пустяковым причинам, не затронувшим души и не оставившим тягостных обязательств, попали в сокочники и, по законам зоны, вошли в «семью», две других

койки в проходе пустовали. Освобождались одновременно, по амнистии, оба потеряли квартиры, в которых жили до ареста, по бюрократическим обстоятельствам, бегать по инстанциям не было ресурсов, чиновникам не интересовало связываться с бывшими осуждёнными, и они оказались за бортом. А за бортом, как известно, проще быть в компании.

2. Причина

– Дело в том, и я признаюсь в этом без всякого стеснения, что я с детства страдаю одним недугом (с детства, это не совсем точно, лет с 12-ти наверное.). Как его назвать? Он выражается в странном сочетании: зуд в пальцах и зуд в мозгах. То-есть, зуд в мозгах – это первичное. Постоянно меня куда-то заносит в мыслях. Какие-то странные сочетания фантастических обстоятельств и реальных, живущих рядом, лиц. Своеобразная игра, она появилась, когда я начал читать фантастику. Первая такая книжка, попавшаяся мне в руки, была «Незнайка на Луне» Носова. Потом я споткнулся об Александра Беляева, и люблю его до сих пор...

Но я хотел объяснить, почему начал писать вот это. Даже не знаю, как определиться с жанром. Автобиография? Вроде, нет. Автобиография подразумевает события жизни, изложенные в хронологическом порядке. Как говорил Швейк: – «Из меня всё должно лезть постепенно...» Здесь этого не намечается. В первую очередь потому, что я, любя по-

рядок вокруг себя (сейчас это называется модным словечком «перфекционист»), никогда не был озабочен порядком в голове – в мыслях.

Так вот, вторая причина – зуд в пальцах. Мне нравится заносить мысли, свои фантазии, рассуждения в записи, оформлять их в слова и фразы, есть в этом что-то завораживающее, наподобие живописи, странная символика обозначений, правил, сочетаний, ряды неперсонифицированных значков, каждый из которых по отдельности ровно ничего не значит... А в сочетаниях и взаимосвязях в этих рядах символов содержится целый мир. Загадочный, или тупо бюрократический, или загадочно-научный, наполненный всяких необъяснимых вещей, вроде смысла, логики, знаний и истин, прихоти и самовыражения...

И я не люблю фиксироваться на чём-то одном, мне это быстро надоедает. Как с работой. Я постоянно менял работу. Даже самую оптимальную. Первые пол-года я в эйфории. Идёт ознакомление. С работой, с людьми. Я осваиваюсь. Второй год работа кипит, я становлюсь профессионалом, адаптируюсь, осваиваюсь, становлюсь членом коллектива. А ещё через пол-года я начинаю смотреть по сторонам и ныть. Мне всё надоедает, всё уже делается на автомате, никакой мысли, ничего нового, рутина. Это мне не нравится. Я иду на конфликты, уже даже не зная причины, срываюсь, скандалю... А потом мне попадается более привлекательная работа. Или не попадается...

Я писатель. Не Лев Толстой (вот ещё дурная особенность человека, использовать клейма, где можно обойтись без них), но... писатель. Так, я считаю, имеет право называться любой пишущий, написанное кем читают другие. Для этого не обязательно издавать толстые тома нудных романов, или сборники искристых рассказов. Вы можете писать всё, что угодно. Но если у вас есть читатели, вы имеете полное право называться писателем. Таким-же, как и пресловутый Лев Толстой (это уже штамп такой, и прекрасно это отметил Иосиф Бродский: – «Чудо-юдо, нежный граф Стал похож на книжный шкаф». Бог с ним, графом Толстым!)

Я давно хотел изобразить нечто такое, эпохальное... Как писатели из повести Джерома К. Джерома писали роман, в котором хотели отобразить весь свой жизненный опыт и все достижения человеческой культуры. «Это должно быть будет очень тонкая книжка,» – сказала жена одного из этих писателей. Она имела в виду ироничное отношение к жизненному опыту этих весёлых молодых людей. В общем-то и я всё никак не мог решиться на подобную писанину, имея в виду такое-же ироничное отношение к моему возможному опыту. Но 46 лет, это уже серьёзная цифра...

А в общем-то, если-бы не остановка в написании книжки, этой писанины и не появилось-бы. Возможно, потом...

Лет через 20—30...

Я постоянно делаю «открытия». Эти истины давно есть в копилке человеческого опыта, но для меня они становят-

ся истинами вследствие моего собственного опыта, и потому особенно ценны для меня.

Вот только сейчас мне пришло в голову, что люди по своему жизненному пути делятся на две категории – «непоседы» и, соответственно «домоседы». Одни привержены стабильности. Они постоянны в своём выборе. Они всю жизнь живут в одном городе, или деревне, в одном доме, и работают на одной работе. Их ничто не принуждает к этому, таково их нормальное состояние, и им это нравится. Они просто не представляют, что можно жить по-другому. Им нравится путешествовать, они любят посещать новые места, знакомиться с новыми людьми, они радуются новым впечатлениям, но всё это только для того, чтобы утвердиться в мысли, что ни живут правильно и хорошо. Дома лучше, и жизнь должна быть постоянна и однонаправлена. Если их вырвать из привычного русла, они теряются. Они заново ищут себя, они заново выстраивают свой забор, чтобы обрести новое русло. Просто меняют колею. И их не волнует конец этой дороге. Ведь всё так привычно и хорошо, что просто не может закончиться плохо.

Другие не могут долго наслаждаться стабильностью. Они впадают в хандру, их всё злит, и когда-то милые лица становятся стёртыми, как старые монеты. Их номинальная ценность остаётся прежней, но в глазах нумизматов, они обесцениваются. Они покрыты царапинами и стёрты... Эти люди могут идти на работу с закрытыми глазами, и это их не раду-

ет. Они не видят окружающего, потому-что знают его до последней молекулы, и уже не надеются увидеть новую грань бытия. Это где-то там, в стороне от привычной стези, и им просто необходимо заглянуть за эту грань, чтобы увидеть новую плоскость. Они знакомятся на время, они меняют место жительства без причины, ничего не выигрывая. Они женятся и заранее знают, что это не навсегда. Их мучает эта неопределённость, и они разрывают ткань повседневности, ожидая, что в сингулярности им откроется новый, блистающий мир. Но мир не любит разнообразия, и непоседы снова собираются в дорогу.

Уже сорок лет я живу в одном городе. Это моё место, и нигде больше я существовать не могу. Мне нравится, что он большой, как мир, и я переменил много мест, и всегда это был другой город, но он был один, только с множеством лиц.

– Значит, ты издавался? – Роберт отхлебнул остывшего чая, откусил от куска хлеба. Они сидели на подоконнике уже тёплой кухни, разговор шёл ленивый и бездумный, не напрягающий мозги, не заставляющий изображать интерес, не обязывающий отвечать. На улице шёл дождь, и они не спешили выходить, да и куда спешить, их время принадлежало только им.

– В интернете много бесплатных сайтов, где кто угодно может помещать свою писанину. Денег это не приносит, но моральное спокойствие даёт.

– Но ведь и много платных сайтов, не пробовал зарабо-

тать?

– Берт, люди меркантильны, видел по ТВ рекламу – «Вы экономите 5%!», и толпы через весь город спешат чёрт знает куда, чтобы сэкономить 20 рублей, при этом на дорогу уходит двести. Но удовлетворение от сознания – «Я сэкономил!», оно дорого стоит. Так и с книжками. Чудак весь день будет сидеть в сети, чтобы найти бесплатный вариант, а они всегда есть, надо только знать, где искать, вплоть до взлома моей страницы, а вот просто заплатить 130 рублей, а это цена пачки сигарет, это нельзя, это считается за мотовство и признак неудачника. Люди зомбированы, их настраивают на определённый образ жизни, им вдалбливают стереотипы, и человек покупает телефон за 60 тысяч, хотя вполне может обойтись за три тысячи. А ведь идея стара, как свет, в литературе её использовал Александр Беляев, помнишь «Властелин мира»? Специальное модулированное радиоизлучение воздействовало на психику людей и внушало им всё, что угодно, вплоть до суицида. У Беляева это блокировалось просто любым металлическим экраном, проволочной сеточкой на голове, например. Стругацкие идею развили, их излучение не экранировалось ничем, от него вообще не было защиты, и люди воспринимали свои мотивации, как естественные. Зомбирование интернетом, телевидением, СМИ строится по другим принципам, и страшно здесь другое, люди сейчас не дураки, всё понимают, но они ХОТЯТ этого, более того, поставь им лимит, и они взбунтуются. Они хотят этого,

ведь оно так интересно, эти ролики с дутыми звёздочками, хамство текстов, развязные артисты, это ведь так прикольно! Это культура, Роб Рой!

– А... Гена, почему в зоне ты не говорил об этом? Всё-таки там ты мог набрать много материала...

– Смеёшься? Расспрашивать бродягу о его жизни, это чревато, знаешь-ли... Будучи в «Крестах» до суда, я попробовал делать заметки, ведь всё было внове, незнакомым, таящим подводные камни и пороги. Меня тут-же обвинили в доносительстве, устроили правилку. Еле доказал, что ничего плохого не имею. Но сам факт фиксирования событий «хаты», это уже преступление. К счастью, у русских людей к писателям в крови непонятный пиетет, с меня сняли предьяву, но предупредили. С тех пор выработался блок, ничем подобным на людях не заниматься. Сейчас это глупость, конечно, и можно вернуться к писательству. Ноутбук-бы мне! Хотя, пользы нам от этого было-бы не много...

Роберт пожал плечами, ничего не сказал, но задумался. С некоторых пор он стал воспринимать Геннадия кем-то вроде старшего в семье, старшего не по опыту и годам, но по ответственности, и после этого разговора сделал памятку в голове.

3. О сигаретах и женском начале

Отворачивая лица от мелкого дождика, тщательно обходя

лужи, они направлялись в сторону метро, где на площади Стачек было много магазинов, чебуречных, кафешек, а это позволяло надеяться на небольшой заработок.

– Я говорю, ищущий находит, – прокричал Гена, кивнув вперёд, и сплюнул. У чёрного входа в кафе «Домино», что на Перекопской, стоял фургончик, а под навесом маялся грузин, помощник хозяина, который иногда давал им возможность купить еды и сигарет. Грузину явно не светило таскать ящики под такой плохой погодой, и, увидев подходящие кадры, он оживился.

– Здравствуй, уважаемый, – приветствовал его Михалыч. – Помочь, может?

– Поработайте, господа, всем хорош-що будет! Только вовнутрь не заходите, сегодня хозяйка здесь, не любит, чтобы ходили. Строгая!

Груза было немного, коробки с вином, ящики с фруктами и овощами, всего штук двадцать пять. Гена залез в кузов, подавал коробки к выходу, Роберт складывал их в коридорчике. Управились за двадцать минут, взяли деньги, грузин, как всегда, не обидел, жизнь показалась светлой.

– Пройдём по кругу, авось ещё заимеем? Что заработали, это хлеб насущный, но и душа хочет пищи.

Увы, променад оказался безрезультатным. Рабочее время, народу под дождём было мало, площадь неприятно резала глаза безлюдьем и фонтанами воды из под колёс машин.

– Зябко. Может, по стаканчику кофе, там по десятке,

и не плохой.

– Что-ж, кутить, так кутить.

Присели на холодные стулья под зонтиком, отхлёбывали напиток, глядя на капли, обрывающиеся с тента.

– Как-то был на Байконуре, в командировке. Страшно раздражал горячий, густой воздух. С трудом проходил в лёгкие. Вышел из самолёта в Крайнем, чуть не задохнулся. А здесь хорошо дышится, вкусно, вот приодеться-бы, зима скоро нагрянет. Квартиру утеплять надо, на чердаке, кажется, ещё матрас валяется, надо будет надергать ваты, позатыкать щели в окнах.

– Ты ведь не абориген, приезжий?

– Да, сорок лет здесь уже. Как родители погибли, я пацаном был, хорошо, тётка пробивная, у неё там, в Ташкенте однушка была, с дочкой жила, мне места не было, так она меня сюда, в детдом устроила, не хотела, чтобы я там воспитывался, уже тогда республики негативно к чужакам относились, а сейчас, видишь, что творится, в Питере чуть не треть населения с югов. Может быть это и не плохо, интеграция. Конечно, недовольных много, мол, работу отбирают, а что они отбирают? То, от чего местные нос воротят. Заставь сейчас молодёжь на стройке работать! Подрабатывать, да, но карьера строителя сейчас из приоритетов выпала. Да и обманывают там, ведь сейчас все компании частные, а таджиков-узбеков обманывать легко, никакой суд их защищать не возьмётся, а отправить на родину – легко. В сущности, сейчас раз-

вивается рабовладельческий строй. И с этими несчастными дружить надо. На всякий случай, – подмигнул Гена и поднялся. – Ещё круг почёта, и пойдём домой, благоустроить-ся. Если не найдём чего.

Так и не найдя ничего, они возвращались в катакомбы, отягощённые хлебом, сигаретами и макаронами с маргарином. Гена ещё в качестве пищи для души нёс подобранную в универмаге книжку Дарьи Донцовой.

– Дерьмо, но заворачивает, аж дух захватывает. В основном от глупости женской. Вот можешь сказать, почему из женщин гении никакие? Из писателей Мэри Шелли и Агата наша Кристи, разных Роулингов я за писателей не считаю, это чтиво на любителя и для узко ограниченной аудитории. В художниках Галина Серебрякова и Соня Делоне. Поэты? М-м-м... Цветаева? Но ведь это похотливая сучка, меняющая мужиков, как носки, причём каждый последующий на порядок ниже предыдущего. Учёные? Скловдовская-Кюри, это исключение. Ходят слухи ещё про экс-жену Эйнштейна, всё может быть, оттого и теория относительности такая заумно-придурочная. Почему женщины не рвутся в лидеры? Ну, я не считаю упёртых феминисток, дураков на всех хватает, или современные бизнес-вумен. Но здесь не творческое начало, а «хватай и беги, а заодно перегрызи глотку конкуренту» – это от начала времён девиз предприимчивости женской.

– А тебе, похоже, сучки здорово однажды дорогу перебе-

жали?

– Возможно. Но это не соперничество было, а утраченные идеалы. Вот встречаешь такую, дыхание спирает, мозги в трубочку сворачиваются, всё, думаешь, вот это моя судьба. И поначалу на то и похоже, и ты землю роешь, пешком по Питеру по 20 километров мотаешь, чтобы поговорить, потому что мобильных тогда ещё не было, и потом ночами не спишь, чтобы ей приятное сделать. И что в результате? А в результате оказывается, что она дура набитая, потому-что ты ей не нужен ни капли, и пошёл ты подальше со своей любовью, а нужно ей счёт в банке, весёлые ночи, и никаких семейных узаконенных обязательств. Вот такие пироги с котятами.

– Но ведь не все такие? Как в фильмах, любовь, розовые дали, романтика до конца жизни, рай в вигваме и хлеба горбушку пополам...

– Возможно, в жизни всё возможно, – сухо ответил Михайлыч. – Только дело в том, что когда попадается такой вариант с почти нулевой и хреновой вероятностью, тогда у меня перемикает мужское начало, и я начинаю корчить из себя хозяина жизни, а она, таким образом, становится в позу моей наложницы. Я долго этого не понимал, всё удивлялся, ведь я за неё жизнь готов положить, чего этой идиотке надо? Но ведь какая, себя уважающая особа, согласится отдать себя полностью, и жить на положении морской свинки на полном пансионе? В общем, женская половина, это во-

прос сложный. А любовь, как в книжках, она там и должна быть, там ей и место.

Только не успели они свернуть на Перекопскую, на самом углу общаги Геологического института, их окликнул обворожительный женский голос, такой голос, от которого мурашки по коже, и воображение сразу начинает галопировать:

– Мальчики, а можно у вас прикурить, и заодно задать пару вопросов?

У них аж дым пошёл из тормозных колодок, поскольку внешне они не являли из себя что-то, могущее привлечь внимание очаровательных дам, а потому всё это отдавало чем-то таинственным и нереальным.

Прикурив от дешёвой зажигалки Роберта, а это была женщина-вамп, она прищуренными, затенёнными роскошными искусственными ресницами, глазами насмешливо оглядела парочку более внимательно, сделала, видимо, какие-то расчёты, и улыбнулась белоснежными зубами:

– Вообще, мальчики, у меня к вам небольшое дело, если вам деньги нужны. Но сначала скажите мне такой вопрос, вы не геи? Это знаете, когда мужики, у которых нет денег на шлюх, ублажают друг друга бесплатно. Нет?

Мальчики дружно замотали головами, потому что дело их заинтриговало, а упоминание о деньгах повергло в некоторый экстаз.

– Но, я вижу, что вы свободны от разных условностей, в том числе и от аллергии по поводу статей УК, и гото-

вы помочь несчастной женщине, не щадя живота своего? – слой штукатурки мешал определить возраст, где-то 90 до 30, но похоже было, что дамочка серьёзно озабочена бытовыми неурядицами и лихорадочно ищет выход из положения.

– В таком случае, мадам, – с трудом сохраняя серьёзность положения, промолвил Михайлыч, – вы готовы угостить нас кофе в кафе-шантане и там мы и обсудим вашу дилемму?

И когда они уже сидели в пирожковой на Нарвском проспекте, и ребята с упоением поглощали пышки с кофе, дама продолжила разговор:

– Я вижу перед собой настоящих мачо, которым нужны деньги. Но! Дело очень щекотливое. Грозит по восьмёрке, если проколитесь. Однако, я предлагаю серьёзные для вас деньги. Выбор за вами. Я подожду пару минут, если нет, до свиданья навсегда. Думайте, ребята.

– Можно отойти? – она отпустила их царственным взмахом украшенной золотом руки.

– Ты понимаешь, что это деньги? Не меньше двадцатника. Можно и больше, но она видит, что мы ходим по краю, и она жадная.

– Думаешь, это ограбление? Шантаж?

– Робертино, ты мне веришь? Давай поговорим с ней, а там видно будет.

– Гендер, я в мокруху не подписываюсь.

– А я? Ты плохо обо мне думаешь.

– Извини, я такой-же, как ты.

Они вернулись за столик, за это время мадам подкрасила губки и выпила Мартини.

– Так, ребятки, я думаю, время перешло к решению, обсуждения закончились, и давайте без нюансов. Даю 25.

Сумма превышала ожидания, и Гена задрал брови на морщинный лоб:

– Работа?

– Убрать человека. Безопасно. Он без охраны, живёт беспечно. Это будет легко.

Геннадий пожевал губами:

– Муж?

– Не важно, но будем думать так. Это имеет значение?

– Значение в последствиях. Если бизнес-конкурент, может быть продолжение.

– Нет, продолжения не будет.

– Хорошо. Завтра, на том-же углу, если нас там никого не будет, сделка не состоялась.

Вечером, уютясь на своём матрасике, но в тепле и с желудком, не просящим ничего, Роб спросил:

– Ген, ты собираешься завтра на угол Перекопской?

– А ты?

– Погода хреновая.

– Либертино, жизнь человеческая придумана не на развлечение нам, человекам. Думаешь, я посягаю на роль Бога?

4. Об ответственности

– Гена, его убьют.

– Предполагаемого мужа? Действительно, я об этом не подумал. Дамочка не из тех, кто останавливается на пол-пути и отказывается от намерений. Но что мы можем сделать? А главное, должны-ли мы что-то делать?

– Нет, я говорю о другом. Убьют человека, нанятого вместо нас.

– С чего ты это взял? Хотя... Это логично, убрать звено, связывающее с заказчиком, история Харви Освальда тому пример. Но ведь это предположение с потолка. Как все теории чёрных дыр.

– Нет, я уверен в этом... Я видел это.

– Во сне? Сны, самый не подтверждаемый источник информации.

– Но бывает, что они подтверждаются последствиями.

– Роб, дамочка сегодня будет на углу Перекопской в надежде увидеть нас.

– И, не увидев, она найдёт другого палача, который согласится.

– Может быть, ты видел того, кто убьёт убийцу?

– Нет. Но я знаю, что убийца не дойдёт до убийства. Это не говорит о том, что он не виновен вообще, не в данном случае.

Роберт замолчал, встал с матраса, прошёлся по комнате:

– Видишь!?

– М-м-м... Я вижу что-то вроде зверя в клетке. Или я должен увидеть что-то другое?

– Гена, мы вляпались в дело, обязывающее нас к каким-то действиям! Мне никогда не нравилось принуждение, я всегда распоряжался собой сам и только сам.

– Не вижу принуждения, – сухо отвечивал напарник. – Что принуждает тебя? И какого рода действия выставлены на распродажу?

– Человек умрёт! Из-за нашей отстранённости. Тебя это не угнетает?

– Вон оно как! Интересно получается. Ты возомнил себя Богом? Не слишком эгоцентрично?

– Ты о чём?

– Я не вижу за тобой эшелона с гуманитарной помощью. Или отряда «голубых касок».

– Говори яснее, недоговоренность раздражает.

– Но ведь мы знаем, что тысячи африканских детей умирают без еды и медицинских препаратов. И сотни погибают в той непонятной заварушке в Донецке. Ты не хочешь им помочь? Это тебя не угнетает?

– Но ведь ты говоришь о лимите возможностей! Я, конечно, не Он. У меня нет его ресурсов. Но помочь рядом живущему, это ведь в наших силах? А мы будем делать вид, что всё в порядке?

Гена задумался.

– Вон оно как... Ты мать Тереза. И, как добрый самаритянин, ты поспешил поделиться ответственностью с ближним. Похвально. Но я другой.

– Завтрак, обед и ужин ешь сам? Все мы другие, Михалыч. Что мы о себе воображаем, и то, что есть на самом деле, совсем разные вещи.

– Конечно, я думаю, что я принц крови, а в реале я король помоек. Вот и будем думать с такой позиции. Что реально мы можем сделать? Появиться на углу Перекопской и вызвать огонь на себя? Познакомиться с заказом и предупредить? Но кто убирает исполнителей? Этого мы не знаем, и гнев его не обратится-ли на нас? А мы не знаем, и КАК это делается. Как-то совсем не охота посещать морг в качестве нежданной говядины... Чего приуныл? Не ломай голову, и решение придёт само собой. Пойдём на заработки, а в указанное время я буду на назначенном месте. Потом уже будем решать.

– А почему ты?

– Потому что я поставлю мадам условие, что работаю один, а ты совсем не при делах. Это даст нам какую-то свободу манёвра.

– Но почему ты?

– Хорошо. Во-первых у тебя какие-то видения, и это нам пригодится, а если ты будешь под угрозой, кто знает, каких чебурашек ты увидишь в следующем пророческом видении?

– А на второе?

– Дело может оказаться опасным. И мне необходимо иметь за спиной молодую силу. Для прикрытия и эффективных действий. Нет возражений? И тебе надо найти какое-то холодное оружие. Не меч-кладенец, а что-то такое, за что не упекут за решётку. Типа дубинка-демократизатор. Или огрызок цепи, заглянем на мусорку, или на какую близлежащую стройку.

Погода продолжала радовать лужами, покрытыми рябью падающих капель, но ветра не было, значит, дождь, это надолго. Мусорный контейнер порадовал старой кепкой с ушами и кружкой с отколотой ручкой. Добычу спрятали в дежурный пакет и проследовали вчерашним маршрутом. Вот только свободной двадцатки на кофе уже не было. Сделали пару кругов, и оба безрезультатно. Покурили в подворотне, Гена вручил напарнику пакет:

– Шёл-бы ты домой.

Роберт потоптался нерешительно.

– Иди-иди. Вряд-ли во время randevu на меня будет совершенно зловещее смертоубийство. Пока займись домом, сходи на чердак, в гости к старому матрасу, сделай что-нибудь. – Он напряжённо о чём-то размышлял, и Роберт почувствовал это, но спрашивать не стал, что-то говорило ему, что ответа не будет.

– Ты всё-таки осторожней. Не бери больше, чем можно унести.

И ушёл.

Геннадий вернулся через пол-часа, когда он уже пришёл с чердака, принеся отрезанную половинку матраса. Геннадий имел набитый чем-то пакет и вид возбуждённый.

– Ставь на огонь кастрюлю с водой, предстоит пир!

– Значит, гуляем? Позволь поинтересоваться, на что и откуда?

– Позволяю.

– Итак?

– Аванс! Я выбил из этой стервы денег, представляешь?

– Вероятно, её корчило? А по ней не скажешь, что поверит. Она похожа на жадину. Что тебе мешает забыть о её существовании?

– Не знаю. И это странно. Знаешь, доставая деньги, она изобразила такую ухмылку, от которой кровь сворачивается, и мороз по коже.

– Это всё? Не убедительно.

– В том и дело, что не всё. Она ещё кое-что сказала. «Не разочаруйте меня, – сказала, а тон! – Моё разочарование дорого стоит.» И знаешь, я ей поверил. Пару дней у нас есть, чтобы придумать хитрый план отхода.

Говоря, он опорожнял пакет прямо на пол, а Роберт не верил глазам. Он увидел десяток пачек сигарет, пару банок тушёнки, пакет картошки, сахар и кофе, тушку курицы в целлофане, лук, банку маринованной капусты, что-то ещё, чего его глаза не восприняли.

– Ты на сколько её ограбил? На тысячу?

– Я похож на аскета? Пятёрка! Месяц будем, как сыр в масле. Стол надо найти, такую пищу принимать на подоконнике, верх самоуничтожения!

– И за такую сумму можно иметь серьёзные проблемы.

– Поэтому будь предельно внимателен. Она убеждена, что ты не в деле, и поэтому передвигаемся порознь, но в пределах видимости. И будем надеяться на глас Божий.

На сытый желудок Бог посылает нам спокойный и глубокий сон, что Роберт с благодарностью и принял. Поспать он любил, только не когда во время сна приходит непрошенный экстрим. А в последнее время страшилки приходили особенно часто. Короче говоря, после гениальных щей Гены, он заснул охотно и спокойно, не ожидая подвохов.

А Гене не спалось. Его как раз очень интересовали сонные прозрения Роберта. Что-то за ними скрывалось, может быть, угрожающее, непонятное, а что он не понимал, априори Геннадию не нравилось. Непознанное всегда таит возможность неуправляемой угрозы, непредвиденной, с загадочными последствиями. Тут ещё скрытое недовольство одалиски, также предвещающее проблемы. Справятся-ли они с этой напастью? Бесплезные гадания завершились, как обычно бывает у русского народа: «авось» и «Бог даст». Ещё беспокоило непонятное восприятие Робертом судьбы неизвестного им человека, тоже пунктик, в их положении несущий неприятные проблемы и возможность совсем неприемлемо-

го финала.

А утром плохо выспавшийся Роберт «обрадовал» друга:

– Я снова видел смерть незнакомого нам человека. И я видел того, кто его убил. Удивишься? Это знакомая нам шлюха.

– Не удивлюсь. А ты не думаешь, что твой сон навеян вчерашними событиями и моим рассказом о процедуре нашего финансирования?

– Не думаю. Во-первых, он дублирует уже виденное, а такое в снах редко бывает. Во-вторых, к нему привязана неожиданная развязка. Такой повтор с продолжением. Ремикс. И думаю, что продолжение ещё последует.

– Так рассказывай, что там за продолжение, как дамочка действует? Сама занимается смертоубийством, или чьими-то руками?

– Сама, но не руками. Понимаешь, чертовщина непонимаемая получается.

– Понимаешь, не понимаю. Разъясняй.

– Попытаюсь. Она убивает сама, но... на расстоянии. Как это может быть?

– Это может быть при помощи огнестрельного оружия, слышал?

– Нет у неё никаких стрелялок. Ни огнестрельных, ни арбалетов, ни луков. Ничего у неё нет, кроме намерения. И намерения эти производят действие. Вот не пойму механизма. Впечатление, что есть желание, и оно осуществляется без прямого участия человека.

– Ты говоришь о магии? Такое чернокнижие. «Книга мёртвых», «Грэм гримуар» чортов. Она колдунья в пятом поколении? Из РЕН ТВ?

– Всё может быть, что и не снилось нашим мудрилам. Всё-таки, даже квантовая физика такое допускает.

– Это когда бормочешь не пойми чего, а оно оказывается истинным знанием?

– Вроде того.

– И что тогда делать?

– Думать. Сегодняшний день ещё наш. Но к вечеру надо-бы рецепт.

– Если вы слышите скрип, не думайте, что это скрипят ваши мысли. Просто посмотрите в окно, и вы увидите телегу. – резюмировал Геннадий и пошёл готовить кофе.

5. Мутная вода

Во время обязательной процедуры обхода участка, в которую сейчас вошло и посещение соседних мусорных контейнеров с целью обнаружения кем-нибудь выкинутой мебели, Геннадий удивил друга изменением регламента. На площади он временами подходил к незнакомым Роберту людям и о чём-то быстро переговаривался, оглядываясь на окружающих. Роберт, помня об угрозе опасности, тоже цепко наблюдал за обстановкой, хотя и понимал полную бесполезность этого действия. Не будет зловещих киллеров. Дамоч-

ка будет использовать другое оружие, против которого у них пока нет никаких бронжилетов.

Подошёл и к цыганке, сидевшей с ребёнком в подземном переходе. Здесь разговор, видимо, был продуктивней, Гена даже что-то записал карандашиком что-то в своём потрёпанном блокнотике и пошёл дальше, как-будто удовлетворённый результатами брифинга. Роберту надоела игра в шпионов, он подошёл к Гене:

– Думаю, ерундой занимаемся, нам можно ходить вместе. Никто следить за нами не будет, и никто не нападёт. Ей это не нужно.

– Наверное, ты прав. Но, тогда зачем ей нужен убийца для... кого-то?

– Не знаю. Может быть, объект обладает её возможностями?

На этот раз им повезло, во дворе дома на Нарвском, перед церковью они подобрали неплохой столик с отломанной ножкой, а за молочным магазином прихватили пару ящичков на роль стульев. Ещё Гена подобрал по дороге домой небольшой булыжник и кусок проволоки.

Дома столик был торжественно водружён на кухне, но отсутствие ножки портило праздник. Гена задумчиво поставил мебель свободном углу, столешница пришлась чуть ниже трубы отопления.

– Роб, в комнате на подоконнике, кажется, лежит пару гвоздиков? Будь добёр, доставь их сюда.

Заинтригованный принёс требуемое. Гена булыжником забил один гвоздь в угол с торца столешницы, там, где не хватало ножки, привязал к нему проволоку, поставил мебель на место и ловко обвязал хвост проволоки вокруг трубы.

– Вау! Можно пользоваться!

– Архимед! – восхитился Роберт. – Кулибин с Да Винчи!

– Есть опыт, – скромно ответил инженер. – А программа такая, сейчас пообедаем, потом поспим пару часиков, и едем в круиз, на Ржевку.

– И что там? Распродажа?

– Там, в знакомом мне доме неведомо какими хитростями один цыган имеет квартиру, двушку. Но проживает там весь табор.

– С лошадью?

– Пока нет, лошадь живёт во дворе, под кухонным окном. Но лошадь нас не интересует. Нам нужна женщина по имени Маргарита.

– Ты меня интригуешь. Надеюсь, её не придётся вести в ресторан?

– Жить хочешь? – серьёзно спросил Гена. – Но пока обойдёмся пачкой чая.

Первый раз после освобождения пообедали за столом, и это было очень непривычно, но создавало радостное настроение. Много человеку надо, чтобы чувствовать причастность к цивилизации!

В душном и переполненном вагоне метро томились пол-

часа, и вышли на Финляндском вокзале с облегчением. А вот нужный троллейбус пришлось подождать. Салон тоже был забит едущими с работы.

– Я когда-то работал на Ржевке, и однажды вышел из троллейбуса без единой пуговицы на рубашке, какой-то паразит вёз посылочный ящик, и он зацепился за меня, – поделился Гена воспоминанием.

А когда они шли по мокрому тротуару к нужному дому:

– Робур, у тебя, наверное, есть какая-то мечта, пусть глупая, из тех, что мусолят перед сном, чтобы быстрее заснуть?

– Должна быть. Но ведь о сокровенном нехорошо судачить, сглазить можно? Я и стараюсь поменьше об этом думать.

– На одном сайте для верующих, давно это было, я прочитал, что нельзя о плохом думать, чтобы не привлечь, а если думаешь о хорошем, оно придёт, осуществится в самый невероятный момент. Но, конечно, это не значит, что о нём надо болтать с первым встречным, за стаканом вина.

– О чём могут мечтать такие, как мы? Своя крыша над головой, немножко работы для поддержания существования, а дальше у каждого своё. Я хотел-бы встретить женщину. Пусть не богатую, и не фотомоделю, но чтобы душа её была рядом, на одной волне.

– М-да, возразить нечего. А вон и ненужная нам лошадь пасётся, под кухонным окном. Интересно, зимой они на кухне её держат, или гараж есть?

На стук в дверь они увидели пожилого цыгана, левая рука которого была перевязана несвежей тряпицей, похоже, оторванной от простыни. В ответ на вопросительный взгляд, они поведали о желании говорить с Маргаритой. Цыган отступил в сторону, давая проход, и кивнул в сторону кухни:

– Подождите там, я ей скажу.

Скоро появилась и желанная Маргарита, у которой под яркой юбкой надеты были джинсы. Она показала пухлой рукой на старые стулья, с интересом взгляделась в их лица:

– Так, молодой и красивый. А ты, странник, по всему, не первый раз здесь, но был давно. Работал рядом?

Геннадий хмыкнул, удивляясь прозорливости гадалки:

– Ты права, женщина, дело своё знаешь.

– Какое дело, – махнула та рукой. – Всё просто, и никаких Фрейдов. Всё открыто, оглядываешься, будто в знакомом месте, но ищешь изменения, значит, был давно. Приехали издалека, значит, когда-то работал здесь. Кто посоветовал обратиться?

– Да, ваши на площади Стачек. Что-то народу не вижу, раньше здесь человек тридцать жило.

– На заработках все, кушать-то надо. Только заработков всё меньше, народ нищий пошёл, а молодёжь сейчас жадная. Многие из наших на работу пытаются устроиться, а другие по деревням разъехались. А у вас что за дело?

– Дело у нас сложное, но мы заплатим, по возможности.

Рассказываемое цыганка слушала внимательно. Проис-

шедшее, их сомнения и догадки, осязаемую угрозу и видения Роберта. Последнее её заинтересовало, особенно, и последовали уточняющие вопросы.

– Значит, вам нужна консультация, или вы надеетесь на реальную помощь?

– Консультация полезна при имеющихся возможностях. А у нас денег на пару недель, и никаких базук под кроватью. Есть только судимости, это весь наш актив.

Хозяйка из литровой банки налила кружку отвара, пила маленькими глотками и думала.

– Конечно, я слышала о вашей ведунье. Балуется чёрной магией, а это штука с далеко идущими последствиями. Что я реально могу? Сделать вас для неё невидимыми, не панацея. Она может видеть вашу духовную сущность, энергию души. Вот от чего вас надо защитить.

– И мы забыли ещё об одном. Изначально мы хотели спасти неведомого нам человека, возможно, мужа этой женщины.

– Хочу вас огорчить, об этом мы ничего не можем узнать, ведуньи хорошо защищены от вторжений в их намерения. Но есть и другая сторона. В вашем районе проживает человек, тоже занимающийся ведовством, и он гораздо сильнее вашей знакомой. Пока он о вас не знает ничего, но если вы начнёте его искать, обязательно узнает. Чем для вас это может кончиться, вопрос. Я сейчас приму меры, думаю, несколько дней вам ничто угрожать не будет. И не ищите по-

тенциальную жертву, это вам ничего не даст.

(От автора – Я действительно был в этой квартире, в 1983г., и описываемое соответствует реальности. И вообще все реалистические факты из жизни персонажей взяты из опыта автора, как, например, предложение об убийстве неизвестного мужа незнакомки.)

6. Первая смерть

– Итак, что мы поняли? – сказал Геннадий, когда они высадились вышли из троллейбуса у Финляндского вокзала.

– Колдунья хотела нашими руками устранить конкурента.

– Но почему? Почему не с помощью квантовой физики? Почему ей приглянулись два бомжа?

– Вероятно, её привороты оказались бессильны? Кирпич, или труба надёжнее и проще?

– Или она его боится и не хочет вызывать огонь на себя? А, может быть, опасается вызвать гнев мести соратников мужичка? Пойдём, кофе выпьем.

На втором этаже вокзального здания они пристроились к столику, взяли кофе и пышек. После промозглого ноября горячее пришлось кстати.

– Сколько ты ей заплатил?

– Тысячу. Что-ж, деньги дело наживное, а жизнь не купишь. Ничего, трояк ещё есть, разумно тратить, хватит неде-

ли на три, или больше.

– Если проживём столько.

– Ближайшие дни можно не опасаться, а там Маргарита обещала защиту.

– Ты ей веришь?

– А у нас есть выбор? Ну, если только смотреть на юга, ведь наша подруга тоже не всесильна, колдовство действует в пределах региона, не дальше, опять-же, по уверениям цыганки.

– Гена, мне нравится здесь, а чтобы осесть на новом месте, нужны финансы и знакомства. Будем надеяться, что всё пройдёт гладко.

– У категории «надеяться» негативный смысл, допускающий возможность неудовлетворительного финала. Что это означает в реальности, можно только гадать, вероятно, нечто мерзкое. Лучше просто верить. Вера должна быть категоричной.

– Знаешь, о чём я мечтаю, в данный конкретный момент? О хоть каком-то, пусть даже чёрно-белом телевизоре. Мы живём в пустом, без информационном пространстве, мы не видим, что творится даже в родном городе... Тоска.

– Хорошо, купим пару местных газет. Поехали домой.

Следующий день никуда не ходили, сидели дома, читали газеты, купленные вечером в метро.

– Ничего не снилось?

– Так, какая-то бессвязная ерунда, ничего интересного.

После обеда занялись благоустройством, затыкали ватой из матраса щели в оконных рамах.

– Обратил внимание, в газетах новости всё о жизни звёзд, скандалчики, утки, да внешняя политика. Из производственных новостей только о работах над новыми вооружениями.

– А чего ты хочешь, производство в стране стоит, региональные городки всё разваливаются, только пожары, да катастрофы на транспорте, что показывает состояние этого самого транспорта. Строят новые нефте и газопроводы за границу, единственное, что ещё деньги государству приносит. И поносят западные санкции против нас. Кто-бы мне объяснил, каким образом эти самые санкции непосредственно меня касаются.

– Я не Фёдор Михалыч, оценивать детские слёзы не моя специальность. Но и слёзы бывают разные, – рассуждал Геннадий, – Отчего плачет ребёнок? В большинстве случаев в силу своей непоседливости и любопытства. Полез не туда, куда следует, с забора свалился, подрался по причине завоевания мира. Все синяки, царапины, шишки от того, что он просто ребёнок, и познаёт мир и себя в этом мире. Он не может по другому, потому что без этого он не ребёнок, а дебил. Или родители его дебилы. А познание себя в мире, куда его родили, не спросив, оно дорого стоит. Любое знание стоит царапин и шишек, и, чем серьёзнее рана, тем дороже знание.

– А мы-то за что получаем фингалы? Чего мы не так де-

лаем, что нас бьют и бьют, не спрашивая?

– А потому, что мы сейчас лишние в этой жизни. Кому мы нужны, кроме себя? А чтобы стать нужным кому-то, у нас ничего, кроме сочувствия и бессилия, нету. Наверное, кому-то мы здорово мешаем? Отдача от нас мизерная, а потребности, обеспеченные правами, ох, как велики. Вот все подряд нам и объясняют, что раз у нас нет ничего, кроме прав, то и рассчитывать ни на какие пряники мы не имеем права, поскольку нет у нас и возможности иметь и отстаивать эти самые права.

– Ты уже в нищестанство полез, сверхчеловеками никто не рождается.

– Главное в сверхчеловеке что? Его воля. Но не воля повелевать рабами, а воля самосовершенствоваться. Макиавелли то же самое подразумевал, говоря о государе. Человек себя сам создаёт, с самого обретения сознания, разума и личности. Вот, смотри на сосунка полугодовалого, как он управляет своей мамашей, он ведь не жрать хочет, не мокрый лежит, он уже испытывает мир на гибкость, и если мамки-бабки начинают вокруг него антраша выписывать, этот бутуз уже в кровь впитывает, что глоткой и настырностью этим миром можно запросто повелевать, не обладая ни силой, ни деньгами, но только направленной волей.

– Ну, что-то ты слишком уж мрачно человека описываешь.

– А ты слишком уж недоволено стонешь, вместо того, что-

бы принимать то, что нам дают, то есть жизнь. И свободу стонать, – Гена прикурил сигарету и неожиданно подмигнул другу, – не унывай, парень, жизнь не стоит на месте, и я признаю, что немного сгустил краски. Возраст, он подвигает к пессимизму.

– Не скажу, что ты замшелый старик, – буркнул в ответ обозлённый Роберт. – Сколько тебе, девяносто шесть?

– Пятый десяток, это, в лучшем случае, две трети дистанции уже позади. Но главное, не сто лет прожить, а увидеть, как и чем всё это закончится. Вот здесь я уже употребил-бы слово «надежда».

В эту ночь Роберт не было покоя. Сон не был похож на шекспировский, это скорее напоминало сцену из Данте, причём из первой части. Так что проснулся он в поту и ознобе, сел под одеялом, хлопал растерянно глазами, не видя окружающего. За ним с интересом наблюдал Геннадий, также сидя на кровати.

– Сегодня тебе не повезло, смотрел что-то из РЕН Тв? И, похоже, что-то серьёзное. Твои сны беспокоят меня, я рекомендовал-бы тебе обратиться к психиатру, но медицинское обслуживание не для таких, как мы, приятель. Поделишься? Я спрашиваю не из досужего любопытства.

Роберт нащупал сигареты, зажигалку, отпил холодного чаю из кружки, какую с недавнего времени он стал ставить на ночь рядом с ложем.

– Да, это было не для слабонервных. Мне являлась девица

распущенная, прямо из «Двенадцати стульев». Та самая, что нас беспокоит. Кажется, она... её уже нет в живых.

– Я не стал-бы огорчаться, как, думаю, и многие, знакомые с ней. Но, с другой стороны, она тоже друг человека. Смерть была естественной, или её убили?

– Это трудно сказать, учитывая эту сферу человеческой деятельности. Я не совсем понял, что это было. Море огня, и её обожжённый труп, и не понять, огонь убил её, или она уже была мертва, а пожар устроили для отвода глаз?

Пожар мог возникнуть от чего угодно.

– Плохо. Но в милиции нам отчёта о вскрытии не предоставят. В любом случае, мы можем уже не опасаться её места. Вот только, если смерть была естественной, получается, мы зря заплатили цыганке. А если её убили, это могло быть действие обычного наёмного убийцы, или защита того, который должен был стать её жертвой. И в обоих этих вариантах, это уже не наше дело, нас не касается, и сделать здесь мы ничего не можем. Согласен, или у тебя опять некие альтруистические доводы?

– В городской газетке есть колонка городских происшествий, в том числе и пожаров. Мы можем посмотреть пожары в нашем районе, что-то там сообщат и о причине пожара.

– «Она рухнула с перил моста, и мутный поток унёс её в ночное море.» Если хочешь, можешь сходить в магазин на Нарвский за молоком, заодно и газету купишь. Тебе не кажется, что нам пора возобновить поиски заработка? Может

быть, и постоянную работу поискать не мешает, жильё у нас пока есть.

Роберт вернулся скоро, возбуждённый и мокрый от дождя:

– Действительно, пожар уже в новостях, оперативно ребята работают, орлы. Вот, возгорание произошло, видимо, от загоревшейся проводки. Выгорело две соседние квартиры, из одной люди смогли спастись, в другой погибла хозяйка, похоже, угорела. Ого! Она снималась в порнофильмах, незамужняя, родных нет. О смерти сообщили её продюсеру...

– Стоп! – прервал чтение Геннадий. – Ради Бога, прекрати чтение, помнишь, что нам говорила Маргарита? Главное, не привлечь внимание. Никаких имён!

– Ты сейчас похож на истеричную старлетку из дешёвых ужастиков.

– Я знаю. Пусть. Пусть мы скоро будем смеяться над очередной городской легендой, но сейчас я хочу жить. И жить спокойно. Лоретти, ты не видел ухмылки этой сейчас уже мёртвой сучки! Давай уважим мою инфантильность, но никаких имён! И адреса не хочу знать. Лучший вариант для нас, поскорее забыть обо всём этом.

– Но появился претендент на роль убийцы, этот продюсер...

– Я не слышу! Как ты смотришь на рисовую кашу с молоком в виде завтрака?

Когда они поглощали завтрак, Геннадий прокашлялся:

– Приятель, ты пойми меня, я не из тех, кто дует на холодную воду. Но жизнь загадочна во многих отношениях. Я общался с цыганами, и не только с ними... В других местах. Конечно, они не могут предсказать смерть... если она состоится через долгое время, но они могут видеть ближайшее будущее, и это не фокусы вроде того, что продемонстрировала Маргарита. Это не гадание на гуще, или по руке. Но в природе всё взаимосвязано, есть связи и взаимодействия, доступные не многим. Такие люди видят многое, и не всё доступно пониманию, а ещё меньше объяснению. Смирись с этим. Впрочем, можешь и смеяться, но я с некоторых пор перестал быть материалистом, здесь другой уровень, метафизический, а ведь люди использовали этот метод задолго до физики. И нормально жили. Почитай Вергилия, их знание намного превосходило наше, но мы по другому стали смотреть на мир, и, возможно, многое потеряли.

– Я тебя понимаю. Но хочется стоять обеими ногами на земле... Главное, не потерять эти самые ноги, вместе с головой.

7. Смерть, как собака

– «...Если тысячи и миллионы опытов, поставленных в одних и тех же условиях, всегда приводят к определённо-му событию (выпущенное из руки яблоко падает на землю),

то событие называется достоверным. А коль скоро миллионы опытов показывают, что некоторый их исход никогда не наблюдается (невозможно одним караваем хлеба накормить тысячу голодных людей), то такие события называются невозможными. Случайные события лежат между этими двумя крайностями...»

В этот день они заработали семь рублей, что было неплохо, и довольный Михалыч ударился в философию.

– Вот посмотри на того милениала, – показал он глазами на индивида, имеющего в нижней губе и ушах страшного вида диски и в носу бычье кольцо, идея каких украшений была позаимствована из обихода то-ли затерянного африканского племени, то-ли с племени островов Тихого океана, какие модники уже давно работали на электронных заводах LG и Samsung. – Меня это интересует потому, что данные стадные считают моё поколение дикарями, троглодитами и анахоретами, а почему? Потому что мы не разбираемся в играх, современный шоу-бизнес игнорируем, и следим за культурой речи. Как-то я краем уха слушал речь ведущего передачи о современном игорном бизнесе. От его сленга меня затошнило. Он обращался будто к стае дебилов, воспитанных в тюрьмах и зонах, и не прочитавших в жизни ничего, кроме рекламы телефонов. В его речи пребывали перлы о дефекации, с подробным описанием, и множество осовремененных матерных выражений. А как он характеризовал создателей не понравившихся ему игр словами из практики смотрите-

лей психушек и тюремных надзирателей! Но я представил, как эти малолетки слушали его речь, для них это отражение их внутреннего мира, если это можно так назвать, это пример для восхищения и подражания. И в то-же время я вижу в метро и электричках их одноклассников, задумчиво читающих Шекспира и Бальзака. И я не понимаю, как это сочетается в одном поколении потребителей современной цивилизации.

– В любом поколении есть плюсы и минусы, между крайностями которых лежит всё, что можно вообразить. И в каждом поколении есть брюзги, критикующие всё новое, и всё ушедшее, естественно с высоты своей праведной правоты и непогрешимости.

– И в этом ты прав, – горестно кивнул Геннадий по прозвищу Гена-гендер, в прошлом инженер-кораблестроитель. – Но кто им сказал, что они правы? И кто дал право судить? Впрочем, в любом организме есть свои болячки. Вот ещё направление культуры: – «Злобный дух шум-шу, фэншу, лаймы...» Мода такая на ТВ, намёк на китайский стиль, разные там Блаватские, Рерихи, «Аненербе», Мулдашюиды... Нет, чтобы по русски сказать: – «Злобный дух фарисейства правит там...» Это уже сатира, за это по головке не погладят, а «хунше», это пожалуйста, и выглядит зловеще, намекающе, а потому модно и притягательно, как культ бога Фаллоса.

– Этот человек идёт за нами, кажется знакомым, и я его

где-то видел, – громким шёпотом заявил Роберт. – Осторожной оглядывайся.

Гена сделал вид, будто прикуривает, оглядел толпу на площади, цепкий взгляд производственника быстро углядел искомое:

– Ты гений, Робертович, это цыган, помнишь, на Ржевке, в квартире, это он нас встретил, сокоечник Маргариты. Наверное, она его послала.

– Но мы ей адрес не давали.

– Он нас видел, район проживания известен, кто ищет, тот всегда обретает. Интересно, с какой целью? Познакомимся поближе, что-нибудь прояснится.

из вопросов в сетях:

– «Абсолютно серьёзно, как мне увидеть смысл в каком либо стремлении? Много читал, много думал, размышлял, отказывался и искал смысл, не могу себе найти место?»

«Коля Бандурченко. Практикующий психолог, автор книги «Факт, изменивший всё», автор видеокурса «Жизнь без страха» :

– Люди так сильно хотят найти любимое дело, которым захотят заниматься всю жизнь, не понимая, что это будет трудом, отнимающим все их время и силы, и что самое главное – сокращающий время до их смерти. Смысл жизни не может

находиться в деятельности и труде. Это какой-то очень одинокий смысл жизни... Чувство успеха и чувства счастья – два абсолютно разных чувства и, к сожалению, чаще всего, это два противоположных чувства. Успех нарциссичен, параноидален, напряжен, шизоиден, часто невротичен. Счастье тёплое, обыкновенное, неоригинальное, не требующее никаких достижений, идущее с нами рука об руку ещё с самых детских воспоминаний. Деятельность – крайне одинокий и несчастный путь, если это кажется чем-то более важным, чем обыкновенное человеческое тепло. Деятельность – слишком быстрый способ умереть. С точки зрения психологии и человеческого счастья, это очень сомнительная цель жизни...

«Смысл жизни» вообще несуществующее в психике, нарциссическое, шизоидное, подмененное понятие счастья. Никто этого никогда бы наверное и не заметил, но если мы перейдём в сферу чувств и скажем человеку, что смысла жизни нет, в первую очередь, он обнаружит себя несчастным, как будто у него это счастье забрали. Как будто он больше никогда не будет счастлив, понимаете? Но смысл жизни и счастье редко соприкасаются в нужном человеку контексте... Когда человек счастлив, он не думает о смысле жизни... Если смысл жизни заменить на счастье, то всё сразу становится ясно, и вопрос будет звучать не нарциссично: «В чем смысл моей жизни? В чем моё предназначение? В чем моя миссия?», а человечно: «Что делает меня счастливым?».

и это всё меняет. Не нужно вы (пендриваться), чтобы казаться себе счастливым, успешным супергероем. Теперь нужно искать счастье за пределами грандиозного успеха, поскольку успех и счастье разные субстанции. Успех не делает нас счастливыми, вот засада, да? Придётся социализироваться заново, это тоже своего рода труд, но это хотя бы цена за счастье и тепло, а не за непонятный успешный успех. Ну вы видели этих творцов-подростков, которые сгорят в своей а..ительной разумной правости. Вряд ли они стали таковыми, потому что счастливицы или знают, как это счастье найти...»

Блюдо подано с ссылкой: «Уютный блог практикующего психолога». Видимо, практикующий психолог считает, что именно маты придают уют его творению... Но вот мой ответ липовому психологу :

– «Зря вы ерундой занимаетесь. Единица в природе не имеет смысла. Какой смысл в существовании амёбы? Песчинки, клетки, молекулы? В единственном числе они НЕ СЧИТАЮТСЯ. Маяковский сказал – Единица вздор, единица ноль? Он сказал это в другом смысле, но формулировка верная. Смысл имеет только количество. Ведь и в науке и в статистике единица считается аномалией. Конечно уютный психолог немного переборщил с нарциссизмом, человек прекрасно осознаёт своё ничтожество в мире, может быть отсюда стремление придать своему существованию какое-то значение, но мы имеем значение только для довольно узкого круга людей. Здесь не нарциссизм, а эгоизм с тя-

гой к эгоцентризму. Сделайте смыслом свою значимость для БОльшого круга людей, чтобы они тянулись к вам, станьте центром этого круга, вот вам и смысл. А что ещё человеку надо?»

– А ничего человеку не надо, чтобы быть счастливым. Только желание. Как-то мне написали: – «Ты ничтожество, философ-самоучка и нищелюбив». Такое серьёзное мнение. Она ещё прибавила, что мои сочинения, это упадок мысли. Ни аргументации, ни фактов, только моё мнение. Но ведь в своих сочинилках я и хотел высказать свои мнения и ощущения. И, насколько я понял, она не читала ни одной моей книжки. Но высказывается глобально. Знаешь, что я думаю о таких людях? У них серьёзные проблемы в сфере физиологии. Им страшно хочется трахаться, но желающих на такой товар очень мало. И у них вырастает сопротивление всему, что, как им кажется, может угрожать их устоявшемуся самоощущению. То-есть, им нужен только толстый х..., и их мозги сразу встанут на место и начнут продуктивно работать. Всё может быть, физиология, страшная штука, даже Дарвин её боялся. А уж если такая очкарая девица без ночного мужчины возьмётся за размышления, это вторая хиросима...

Они уже сидели за столиком под зонтиком, пили кофе, и даже взяли литр сухого, что означало кутёж, с ними сидел

Богдан, давешний цыган, как оказалось, заместитель барона, что должно было означать наивысший пиетет, но и он не мог сообщить ничего конкретного.

– Мужики, она умерла, понимаете? И перед долгой смертью сказала только. Я могу повторить, если вам надо. Она сказала, смерть пришла по их следам. По вашим. И ещё она сказала: – «Надо бояться проклятых денег.» Потом она умерла. На моих руках. Дальше думайте сами. Но если вы знаете человека, или не человека, скажите мне. И ему будет плохо. Вы понимаете? Ему будет хуже, чем было Марго, это я сумею сделать. Но если вы работаете на него, тоже скажите, или не говорите, я разберусь. Только знайте, он и до вас доберётся.

– С нами пойдёшь, или домой поедешь?

– А что с вами? Бутылку водки возьмёте? Мне это не надо. А вот что вы уже отмеченные, это да. Зачем мне с вами отмечаться? Я только волю Марго выполнил, больше мне ничего не надо. Но вы, мужики, думайте. Крепко думайте.

– Как думаешь, о чём он говорил? – спросил Гена дома, когда они открыли вторую бутылку сухого.

– Смерть пришла по нашим следам. Что тут можно сказать? Мы – наводчики. Но нас пока не тронули.

– Вот! Я думаю, что это основное. Нас или придерживают...

– Или?...

– Или бояться. А бояться у нас можно только одного.

– Ты уже договаривай, – Роберт сглотнул пол-стакана и вопросительно уставился на друга.

– Твоей способности видеть. Что с нас ещё взять?

8. Намёк на вектор

Зимой в этих широтах ночь приходит неожиданно («Летом белые ночи, зимой чёрные дни.» – как-то выразился по этому поводу Гена.), и уже в начале пятого часа компания без опаски вошла в тёмную парадную и ощупью стала подниматься по разохшимся, вытертым ступеням.

Уже дома, включив на кухне слабую лампочку под самодельным жестяным абажуром, Роберт задумчиво обратился к окну:

– «... А потом на арену бросили зверей, и среди них был один огромный и свирепый. И потом туда бросили раба...» – Эпиктет. А если предположить, что зверя, огромного и свирепого, звали ***, а раба, скажем, звали ***? Ничего на ум не приходит из современной внутривосточной жизни? Что-то от этого предположения изменится?

– Ты увлекаешься философией? А заодно и критикой политиканов? – удивился Геннадий. – Где ты подцепил эту претенциозную сентенцию, Чертоберт?

– В универмаге, в отделе телевизоров, там демонстрировался такой чудной сериал... Что-то о монстрах под масками людей, сейчас они в моде.

– Сказки! Где в жизни ты видел подобное!?

– Ты о чём говоришь? На каком свете живёшь? Да они вокруг, и происходящее с нами для тебя ничего не значит? Ведь действительно, с ума сойти можно. А, может быть, так оно и есть? Всё видимость, не то, чем кажется, Марго просто сумасшедшая старуха, делающая деньги на доверчивости современных растерянных людишек. А Богдан, принёсший весть о её смерти, я так и не понял, с какой целью он приходил. Предупредить? О чём? – Роберт отставил кружку, развёл руками, выказывая полное непонимание. – Гена, несколько дней я смотрю на мир, будто из-за угла. Он вдруг стал другим, но более открытым? Более простым и логичным. Я вижу новые законы этого мира, законы, построенные по логике этого мира, отрицающие человеческие законы, выработанные веками. Этой логике всего пара десятков лет, но она сильнее мировоззрения цивилизованного общества, сильнее законов эволюции, сильнее законов самосохранения. Общество загнало себя в ловушку суицида. И существование прослойки, живущей обманом метафизики, тому доказательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.